

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СУСЛОВА Евгения Валерьевна

**РЕФЛЕКСИВНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
(СУБЪЕКТИВАЦИЯ И ТАВТОЛОГИЗАЦИЯ)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Зубова Людмила Владимировна
(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Азарова Наталия Михайловна
(Московский педагогический государственный университет, Москва)

доктор филологических наук, профессор
Шмелева Татьяна Викторовна
(Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Новгород Великий)

Ведущая организация Институт русского языка РАН
им. В.В. Виноградова

Защита диссертации состоится 10 октября 2013 г. в 16.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.232.18 при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская
наб., д. 11, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного
университета, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб, д. 7/9).

Автореферат разослан « ____ » сентября 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

С.В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современная поэзия чрезвычайно сложна для чтения и понимания и все больше стремится к тому, чтобы иметь дело с неуловимыми областями языкового и ментального опыта человека. В то же время современная поэзия специфическим образом, в формах самой поэтической практики, рефлексивно обращена на достижения поэзии первой половины XX века. Через поиск взаимосвязей между лингвостилистическими явлениями, принадлежащими разным эпохам, можно нащупать вектор движения поэтического языка и мышления и искать средства для обобщения эстетического опыта. Многие явления в языке современной русской поэзии не выделены и не названы. В связи с этим нам представляется чрезвычайно важным выбирать для исследования поэтического языка вопросы, собирающие на себе несколько проблем, ранее казавшихся не связанными друг с другом. Именно таким фокусом является рефлексивность, рассматриваемая в диссертации как текстовая категория¹.

Рефлексивность поэтического текста (его свойство символизации, имплицирования, свертывания смыслов), характерная для поэзии второй половины XX в. – начала XXI в., рассматривается в диссертации как средство обновления поэтического языка, фактор формирования различных типов субъективации в поэтическом тексте, а также особых текстовых единиц, где ведущим конструктивным принципом становится механизм тавтологизации. Субъект поэтического текста рассматривается как базовая моделирующая функция, а процесс моделирования – как **субъективация**. Под тавтологией понимается контактное или дистантное повторение корня, слова, словосочетания или предложения в тексте. Использование в поэтическом тексте повторяющихся слов и словоформ, корневых повторов и структур тождества называется здесь **тавтологизацией**.

---

¹ Текстовая категория – «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» (Стилистический словарь).

Современная русская авангардная поэзия ориентирована на подсознание, имеет ярко выраженный экспериментальный характер, работает с порождающими механизмами разговорной и внутренней речи, обнажает структурообразующие элементы языка; сообщение разворачивается не только на уровне высказывания, но и в метаязыке, язык поэзии обнаруживает близость к языку философии; в поэтических текстах названного периода большую роль играет интертекстуальная составляющая; значения слов обусловлены контекстуально. Эти свойства современной поэзии описаны в работах И.И. Ковтуновой, В.П. Григорьева, Л.В. Зубовой, Н.А. Фатеевой, Н.М. Азаровой, Д.В. Кузьмина, И.В. Кукулина, В.И. Новикова, А.В. Скидана, Н.А. Николиной, О.И. Северской, Ю.С. Степанова, А.Г. Степанова, А.А. Житенева и др.

Для русской поэзии второй половины XX века характерно явление «тавтологического взрыва» (ср. термин В.П. Григорьева «паронимический взрыв»). Среди авторов, использующих тавтологические конструкции как **системообразующее средство поэтического текста**, можно назвать Г. Айги, В. Соснору, И. Холина, Я. Сатуновского, Г. Сапгира, В. Некрасова, А. Монастырского, Д.А. Пригова, Л. Рубинштейна, Ры Никонову, Е. Мнацканову, А. Альчук и др. Поиски корреляции между типами субъективации и типами тавтологизации мы рассматриваем как ключ к исследованию динамики языка современной поэзии.

Научную и теоретическую базу диссертации составляют работы по лингвопоэтике и истории поэтического языка (В.Б. Шкловский, Ю.М. Тынянов, Р.О. Якобсон, В.М. Жирмунский, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Л.В. Зубова, В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева, Н.М. Азарова, О.Г. Ревзина, Н.А. Кожевникова, И.И. Ковтунова), семиотике (Ю.М. Лотман, Е. Фарыно, Б.А. Успенский и другие авторы «Трудов по знаковым системам»), теории референции в художественном тексте (Т.Б. Радбиль), лингвистике текста (И.Р. Гальперин, Е. С. Кубрякова), функционально-семантическому анализу (А.В. Бондарко), исторической поэтике (С.Н. Бройтман, И.П. Смирнов,

Т.В. Цвигун), психолингвистике и теории концепта (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Т.В. Ахутина, Дж. Лакофф, Ю.С. Степанов, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова и др.), истории авангарда (С.Е. Бирюков, К. Кедров, Ю. Валиева, Дж. Яначек, А.А. Кобринский) и др.

В исследовании применяется несколько **лингвистических методов**.

Основу составляет метод лингвопоэтики в его типологической ипостаси, так как «вне соотнесенности литературных явлений и не бывает их рассмотрения» (Ю.Н. Тынянов). Мы исходим из наблюдения над отдельными явлениями в поэтических текстах в перспективе динамики поэтического языка. При работе с источниками используется метод структурно-семантического анализа текста, выявляются отдельные приемы и средства выражения смыслов в поэтическом тексте. Герменевтический инструментарий привлекается для комментирования отдельных стихотворений. Мы стремимся обобщить факты, ранее накопленные в разных областях филологической науки, и – по возможности – унифицировать язык описания явлений, оказавшихся в поле нашего внимания. В работе не ставится задача полного историко-литературного анализа того или иного текста, мы стремимся к тому, чтобы увидеть лингвостилистические закономерности в поэзии отдельного автора, основные механизмы изменения стиля в произведениях разных периодов с точки зрения реализации механизмов субъективации и тавтологизации.

Основной материал нашего исследования – поэтические тексты второй половины XX в. – начала XXI в. В работе рассматривается язык стихотворений Е. Кирсанова, В. Аристова, О. Юрьева, В. Павловой, П. Барсковой, О. Зондберг, М. Галиной, Я. Сатуновского, Е. Хорвата, В. Бородина, А. Горенко, И. Жданова, А. Волохонского, Д. Строцева, А. Скидана, Л. Аронсона, Н. Азаровой, А. Альчук, Д. Давыдова, Г. Сапгира, А. Драгомощенко, Н. Скандиаки и др. Более подробно исследуется рефлексивность в поэзии трех авторов: В. Сосноры, В. Некрасова и Г. Айги, так как в их творчестве нашли продолжение различные векторы авангардной поэзии первой трети

XX в. (см. диссертацию О.В. Соколовой о традициях авангарда в поэтическом языке Г. Айги и В. Сосноры).

Дополнительный материал – тексты поэзии авангарда первой половины XX века, позволяющие проследить истоки тех или иных особенностей субъектной организации в поэзии второй половины XX века, а также исследования по поэзии авангарда. При лингвистическом анализе используются идеи философов, помогающие углубить понятия субъективации и тавтологизации (Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси, А. Пятигорский, М. Мамардашвили, Л. Витгенштейн, К. Россэ и др.). В работе также используются результаты выборочного опроса авторов с «непрозрачной» поэтикой и их комментарии, касающиеся толкования тех или иных фактов поэтического языка.

Объект исследования – языковые средства выражения рефлексивности в русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в.

Предмет исследования – тексты современной русской поэзии, в которых специфическим образом реализуется рефлексивность.

Цель исследования – установить, как в поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. рефлексивность поэтического текста становится оператором динамики поэтического языка и реализуется в механизмах субъективации и тавтологизации.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть рефлексивность поэтического текста как ключевую для русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. категорию текста и показать ее связь с механизмами субъективации и тавтологизации.

2. Классифицировать механизмы субъективации и разработать модель их описания для поэзии второй половины XX в. – начала XXI в., зафиксировав их соотношение с уровнями языка (лексики, грамматики) и текста в целом.

3. Показать в языке русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. смещение центра внимания от вопросов взаимоотношений мира и

языка, характерных для поэзии исторического авангарда, к когнитивным аспектам языковой и речевой деятельности.

4. Показать, как тавтология становится организующим фактором поэтического текста в русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в.

5. Выделить типы тавтологизации в их отношении к уровням языка (лексика, грамматика) и тексту в целом.

6. Выявить особенности коррелирования механизмов субъективации с типами тавтологизации и показать его функциональную значимость.

Новизна исследования. В исследовании впервые дано системное описание языковых средств выражения рефлексивности, а также предложено системное описание механизмов субъективации на материале русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. Посредством введения модели разработана четырехчастная классификация, включающая репрезентирующий, референцирующий, модализирующий и концептуализирующий типы субъективации.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке проблемы рефлексивности поэтического текста в поэзии второй половины XX века – начала XXI в.; в исследовании функционального и динамического аспектов рефлексивности, в исследовании соотношения рефлексивности с механизмами субъективации и тавтологизации; в классификации типов субъективации, характерных для поэзии второй половины XX в. – начала XXI века; в исследовании корреляций между механизмами субъективации и тавтологизации поэтического текста в их отношении к уровням языка (лексика, грамматика) и тексту в целом.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов исследования при чтении лекций и проведении семинаров по языку русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. как самостоятельного курса или в рамках курса по истории искусств, в преподавании литературы и русского языка (стилистики) в высших учебных заведениях.

ниях и в гимназиях с углубленным изучением гуманитарных дисциплин. Материал диссертации может стать подспорьем в работе литературных объединений, быть полезным при составлении комментариев к изданиям поэтических текстов и для литературной критики. Достигнутые результаты могут использоваться в научных работах по лингвопоэтике, дальнейших исследованиях по теории и истории поэтического языка. На основе исследования механизмов субъективации делается шаг в сторону построения способов лингвостилистического описания идиостиля поэта.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В языке русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. заметную роль играет *рефлексивность* поэтического текста, понимаемая как категория текста.

2. В современной русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. можно выделить четыре базовых типа субъективации, каждому из которых присущ свой набор языковых характеристик и тенденций языковых реализаций на разных уровнях языка (лексики, грамматики) и текста в целом: *репрезентирующий, референцирующий, модализирующий и концептуализирующий*.

3. Вектор динамики поэтического языка в период второй половины XX в. – начала XXI в. можно описать как смещение центра внимания от вопросов взаимоотношений мира и языка, характерных для поэзии исторического авангарда, к когнитивным аспектам языковой и речевой деятельности, что приводит к *распространению концептуализирующего типа субъективации* в конце XX в. – начале XXI в.

4. Наблюдаемый в русской поэзии второй половины XX в. «тавтологический взрыв» представлен в исследовании как типологическое явление, связанное с нарастанием рефлексивности поэтического текста.

5. В современной русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. можно выделить четыре базовых типа тавтологизации: *лексический, лексико-грамматический, грамматический и концептный*.

б. В поэтических текстах рассматриваемого периода наблюдается устойчивая корреляция между типами субъективации и типами тавтологизации.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих *российских и международных конференциях*: Санкт-Петербургская XII Международная филологическая конференция 2010, 2011, 2012, 2013 (СПбГУ, Санкт-Петербург); «Грехневские чтения-8: Словесный образ и литературное произведение» 2010 (ННГУ, Нижний Новгород); «Грехневские чтения-9: Литературное произведение в системе контекстов» 2012 (ННГУ, Нижний Новгород); «Поэтический текст: Структура, Интерпретация, Смысл» 2011 (Тверской гос. ун., Тверь); Сапгировские чтения-2010: «Генрих Сапгир: Детское и взрослое» (РГГУ, Москва); Сапгировские чтения-2011: «Двадцать лет без Генриха Сапгира (русская поэзия последнего десятилетия)» (РГГУ, Москва); «Числовой код в разных языках и культурах» 2012 (ИЯз РАН, Москва); «Актуальная Цветаева 2012» (Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»); Конференция в рамках 20 фестиваля верлибра-2013; Проблемы поэтической семантики: *К 75-летию Игоря Владимировича Фоменко-2013* (Тверской гос. ун., Тверь); на *круглых столах и семинарах*: «Современная литература: мифы культуризации» (Самара, 2010); «Современная поэзия: философское измерение» в рамках Биеннале поэтов Москва, 2011); на *спецсеминаре* Г.Н. Акимовой «Синтаксис и стилистика» (СПб, СПбГУ, 2010), на *научно-практическом семинаре* «Литература и проблема интеграции искусств» (ННГУ, Нижний Новгород, 2010, 2012, 2013); *в работе со студентами* «Московской Международной Киношколы» в формах работы *литературной мастерской* и на занятиях по литературе (Москва, 2011-2012), в работе *семинара* «Мастерская чтения» (Нижний Новгород, ННГУ, 2009-2013).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во **введении** сформулированы предпосылки диссертационного исследования и основные цели и задачи.

В первой главе рассматривается рефлексивность как оператор динамики поэтического языка, затрагивается вопрос об отношении рефлексивности и субъективации поэтического текста. В этой же главе мы исследуем связь рефлексивности и тавтологизации в языке русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в.

Вторая глава посвящена рассмотрению репрезентирующего, референцирующего, модализирующего, концептуализирующего типов субъективации в языке современной русской поэзии и их отношение к уровням языка (лексике, грамматике) и тексту в целом. Дается очерк описания этих типов субъективации и свойственных им языковых особенностей в функционально-стилистическом аспекте.

В третьей главе представлены опыты описания рефлексивности в авторских поэтиках (В. Сосноры, В. Некрасова, Г. Айги).

В заключении обобщаются полученные результаты, формулируются основные выводы диссертационного исследования и перспективы дальнейшего исследования.

Библиография включает 381 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе диссертации рассматриваются понятия **поэтический язык, поэтическая речь, поэтический текст** (В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, И.И. Ковтунова, Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Ю.М. Лотман, Ю. Кристева, Я. Мукаржовский, О.Г. Ревзина и др.). Динамика поэтического языка в современной русской поэзии связана с нарастанием референциальной неопределенности и усилением косвенного соответствия в соотношении *знак / значение vs. смысл*, измеряемого «количеством связующих звеньев между обозначающим и обозначаемым» (Б.А. Успенский).

Во второй половине XX века в русской поэзии возникает особый тип поэтики, который мы называем *рефлексивной поэтикой*. Термин *рефлексивность* (reflection – отражение) используется в различных областях знания: в математике, логике, философии, психологии, литературоведении, лингвистике. Рефлексия формирует «двухслойную организацию деятельности» и характеризуется как «деятельность, вырастающая из какой-то другой деятельности и существующая первоначально только за ее счет», как «целостность, охватывающая исходную деятельность и превращающая ее в свою часть и в свой функциональный элемент» и как «часть целого, примыкающая к первой части и всегда способная отделиться, оторваться от нее и образовать самостоятельную и независимую деятельность» (Г.П. Щедровицкий). В науке о языке рефлексивность рассматривается в аспекте грамматики, поэтической грамматики и лингвистики текста. С точки зрения поэтической грамматики, с рефлексивностью связана проблематика залоговости, дейксиса, местоименности, возвратности. С точки зрения лингвистики текста, существует разделение на поверхностную рефлексивность, которая связывается, прежде всего, с метаязыковыми явлениями, реализованными на уровне содержания, и глубинную рефлексивность, связанную со структурой текста. В диссертации рефлексивность определяется как *структурное усложнение (интериориза-*

ция), выражающееся в особенностях субъективации и тавтологизации². Мы понимаем интериоризацию как смещение по референциальной оси *мир* → *знак* → *сознание* (Э. Гуссерль), влияющее на лексико-грамматическую организацию текста, а также сказывающееся на внутренней архитектуре поэтического текста³.

В первой главе диссертации концептуализируются два перехода в эволюции поэтического языка: от поэтики модерна (символизм и акмеизм) к поэтике авангарда и от поэтики авангарда к рефлексивной поэтике (см. схему 1).

Чтобы описать процесс перехода от одной поэтики к другой, нужно обозначить ключевые понятия, с помощью которых будет произведено описание. И.П. Смирнов выделяет в качестве методологического каркаса семиотические константы *мир*, *знак*, *референция*. Первый рассматриваемый в диссертации переход *символизм* → *семиотический авангард* связан с процедурой семиотизации, при котором характерное для поэзии модернизма четкое разграничение языка и мира перестает быть релевантным (Е. Фарыно). В ряде работ отмечаются микроэволюции авангардных поэтик. Наиболее интересными нам представляются концепция Т.В. Цвигун, которая, используя риторическую оппозицию Р.О. Якобсона, показывает, как происходит смещение *метонимический авангард* → *метафорический авангард*, и идеи Ю.С. Степанова, исследовавшего переход *символизм* → *динамический авангард* → *абстракция*. Символизм и акмеизм оказались в свернутом виде включены в авангард.

В переходные периоды возрастает конструктивность материала. Это означает, что то, что ранее осмыслялось как материал, в это время начинает осмысляться как структура (О.И. Буренина-Петрова).

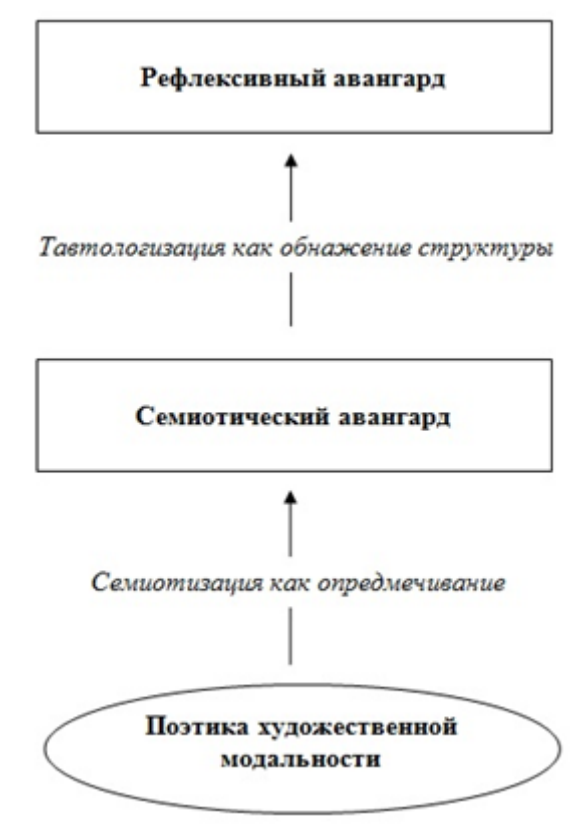
---

² Часто понятия *рефлексивность* и *метарефлексивность* разводятся недостаточно строго (М.В. Димитренко). Метаязыковая рефлексия направлена вовне, в сторону формирования наблюдателя, и имеет противоположный вектор.

³ Подробнее об интериоризации в работах Э. Гуссерля, Л.С. Выготского, Т.В. Ахутиной.

В пресуппозиции первого перехода находится схема моделирования, демонстрирующая операциональный каркас семиотической процедуры (см. схему 1). Если двигателем первого перехода была процедура семиотизации («предмет : отношение»), то в основе второго перехода *семиотический авангард* → *рефлексивный авангард* лежит процедура тавтологизации («отношение : отношение»). Период рефлексивного авангарда – это период проявления границ семиотического авангарда, располагающего новыми операциональными средствами. Одним из наиболее важных операторов поэтического текста становится рефлексивность, благодаря которой возникают вложенные друг в друга смысловые структуры.

Схема 1.

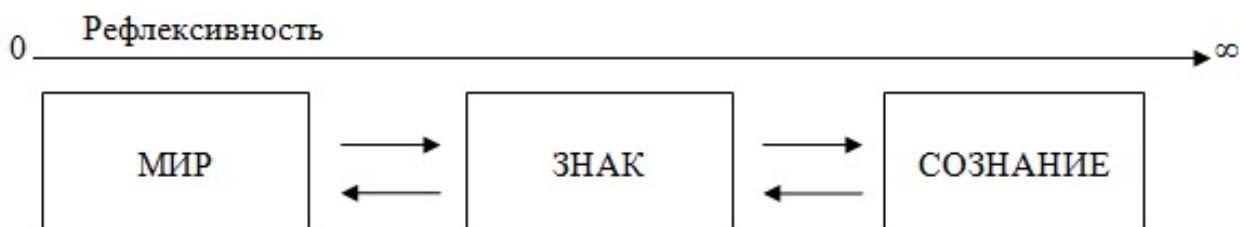

Чем больше звеньев таких структур нужно пройти для «развертывания» смысла, тем более рефлексивным можно считать текст. Сам процесс развертывания рассматривается как градуированный переход от парадигматически (схемно) ориентированной к синтагматически (линейно) ориентирован-

ной структуре. Соответственно, свертывание можно описать как переход от синтагматической ориентации к парадигматической (R.W. Langacker).

В языке русской поэзии второй половины XX в., и особенно в языке поэзии начала XXI века, прослеживается несколько тенденций, связанных с усилением рефлексивности текста, которые мы рассматриваем как осевые. В качестве трех базовых референтных областей мы выделяем *мир, знак, сознание*. Одной из важнейших тенденций в динамике поэтического языка мы считаем интериоризацию субъекта, которая связана с увеличивающейся рефлексивностью поэтического текста (см. схему 2).

Схема 2.

Чем менее рефлексивен текст (чем ближе к левому краю), тем более расчлененным будет его референт, структурирующийся по модели «знак-значение», в то время как чем ближе мы продвигаемся к правому краю, тем менее расчлененной будет референция, проявляющаяся не на уровне слова или высказывания, а на уровне контекста или текста. Следовательно, сонаправленной осью оси рефлексивности будет ось *лексика → грамматика → текст*. Усиление рефлексивности прямо пропорционально усилению парадигматичности поэтического текста: чем ближе к левому краю, тем более линейной будет организация поэтического текста, задаваемая структурой субъекта. Верно и обратное: чем ближе к правому краю, тем ближе построение будет сходиться с «пространственной формой», которую исследователи связывают с «принципом рефлексивной референции» (Д. Фрэнк). Ось *синтагматическая ориентация – парадигматическая ориентация* также будет сонаправленной осью рефлексивности.

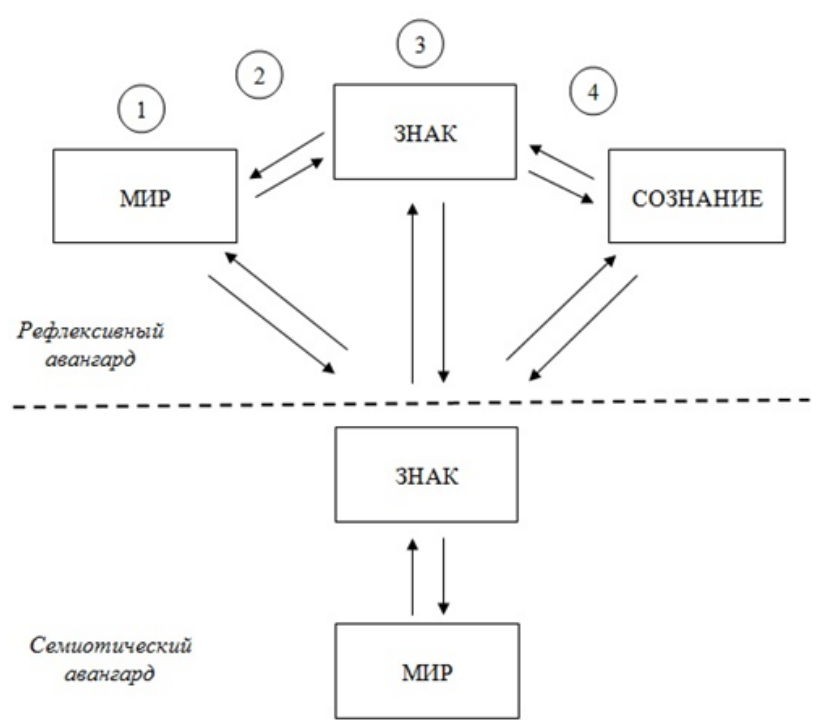
Вопросы субъективации рассматриваются в поэтике, поэтической грамматике, прагматике, теории языковой личности, семантике, лингвистике текста, коммуникативной грамматике, исследованиях дейксиса, функциональной лингвистике, семиотике (И.И. Ковтунова, С.Н. Бройтман, Б.О. Корман, Л.Я. Гинзбург, Э. Бенвенист, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, Т.В. Ахутина, К. Бюлер, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, Л. Витгенштейн, О. Есперсон, А.А. Кибрик, А.М. Пешковский, Ч.С. Пирс, Ю.С. Степанов, Б.А. Успенский, Л.В. Щерба и др.). При разработке категории субъекта как категории текста мы, опираясь на рассмотренные работы, полагаем, что важно учитывать несколько признаков: степень эксплицированности / имплицированности субъекта, степень расчлененности / нерасчлененности референции, уровень реализации субъекта (лексика, грамматика, текст), интенциональность, проявляющаяся как установка на предметность / установка на отношение, тяготение к синтагматической реализации / тяготение к парадигматической реализации, доминантную референтную область (мир, знак, сознание). На основе этих признаков мы выделяем четыре типа субъективации в поэтическом тексте: **репрезентирующий, референцирующий, модализирующий и концептуализирующий** (см. схему 3)⁴.

---

⁴ Первый тип субъекта, актуализирующего отношение ЗНАК (МИР), мы называем РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИМ (1). Он связан с нулевой степенью рефлексивности, так как для этого типа субъективации сохраняется релевантным отношение $S \rightarrow O$. Общая установка на линейное развертывание повествования и синтагматическая ориентация, эксплицированность субъекта посредством центра поля персональности и доминантная референтная область МИР характерны для этого типа субъективации. Языковым уровнем, на котором репрезентирующий тип субъективации проявляется в большей степени, выступает лексика, в то время как синтаксис остается нейтральным. Поэтическим текстам, в которых структурообразующим фактором является репрезентирующий тип субъективации, свойственна расчлененная референция и ориентация на предмет. Второй тип субъективации, задающий диапазон ЗНАК (МИР $\leftrightarrow$ ЗНАК), мы обозначили как РЕФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ (2). Субъект, близкий к этому типу, появляется в эпоху авангарда, когда ставится вопрос о соотношении мира и знака. Для референцирующего типа характерна общая ориентация на отношение (предмет $\rightarrow$ процесс), наблюдается движение к парадигматизации текста и имплицированию субъекта посредством движения к периферии поля персональности, а также «скачки» от центра к периферии – и обратно. Субъект реализуется на уровне ограниченного контекста (высказывания). Доминантные референтные области – МИР и ЗНАК (по отдельности и в их взаимоотношении). Такой тип субъективации активно реализуется и в аспекте лексики, и в аспекте грамматики, актуализируя отношения между этими двумя ярусами языка. Чрезвычайно активна фразеология. Референция преимущественно расчлененная, а тенденция к нерасчлененной референции проявляется на уровне негации, когда референт отрицается или для него не существует прототипа в мире привычных предметов. Степень рефлексивности начинает постепенно возрастать. Третий тип субъективации фокусируется на нашей шкале в точке ЗНАК (ЗНАК) и связан уже с гораздо большей степенью имплицированности субъекта (он близок к тому, что в поэтике называется лирический субъект, и находится между говорящим и Наблюдателем в семантике). Такой тип субъективации связан, прежде всего, с коннотативным полем и реализуется как задающий специфическую модальность (процесс $\rightarrow$ коннотация),

Схема 3.

Понятие тавтологии рассматривается в науке о языке в связи со смежными явлениями (плеоназм, синоним, повтор, тождество, корневой повтор, лексический повтор, тождество и др.) в работах Ю.Д. Апресяна, О. Зайц, Т.С. Остапенко, А.П. Евгеньевой, Л.В. Зубовой, Т.С. Коготковой, Е.В. Клюева, Г.Н. Акимовой, В.П. Летучевой, Т.Г. Крапотиной, А.П. Боровковой, В.М. Бурмако, А.М. Бушуя, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Шме-

поэтому мы назвали его МОДАЛИЗИРУЮЩИМ. Субъект этого типа задает семиотический предел, поэтому реализуется чаще всего на уровне грамматики (дейксис, синтаксис и т.д.), при этом внимание от лексики смещается в сторону фразеологии, а лексический уровень становится пассивным. Доминантная референтная область – ЗНАК и, как частный случай проявления, наблюдается смещение от зоны языка к зоне мышления, понимаемого как способность оперирования со знаками. Увеличивается нерасчлененность референции, в результате чего для выявления субъекта требуется больший по объему контекст. В случае модализирующего типа субъективации мы видим еще более сильное тяготение к парадигматической организации, в то время как синтагматика перестает иметь определяющее значение. КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩИЙ (4) – четвертый тип субъективации, где рефлексивность максимальна. Фокусировка происходит на отрезке ЗНАК (ЗНАК ↔ СОЗНАНИЕ). Тексты такого типа как раз и относятся к таким поэтическим текстам, в которых не всегда понятно, «о чем собственно идет речь». Это связано с нерасчлененностью референции, проявляющейся на уровне текста, а не на уровне отдельных высказываний (референция на уровне отдельных высказываний не совпадает с референцией на уровне целого текста). Основная ориентация этого типа субъективации – на отношение, которое проявляется в установлении связи между областью сознания и ее знаковыми реализациями. Так как сознание не схватывается знаковыми конфигурациями, авторы используют аппарат предъязыкового уровня. Текстов такого типа можно назвать концептным письмом, то есть письма концептами или письма, направленного на формирование сингулярного концепта отдельно взятой единицы опыта. Концептуализирующий субъект может задавать организацию поэтического текста по принципу поля (коннотация → пространство), когда семантически размывается оппозиция между синтагматикой и парадигматикой.

лева, Н.Д. Гусаровой, Ю.М. Лотмана, О.И. Богословской, Н.М. Азаровой, Ж. Делеза, Е. Фарыно и др. Тавтология в поэтическом тексте определяется в диссертации не как стилистическая ошибка (Ж. Марузо, Р.М. Гайсина, О.С. Ахманова, Б.Ю. Норман), а как *элемент поэтического текста с «вертикальной» организацией, выполняющий, прежде всего, текстопорождающую, изолирующую и компрессивную функции*. Тавтология понимается как оператор рефлексивности, а процедура тавтологизации служит оператором перехода с уровня содержания на уровень структуры и создает «единицы некоего другого порядка» (Е.Фарыно), тем самым повышая степень рефлексивности поэтического текста. Мы выделяем **четыре типа тавтологизации: лексический, лексико-грамматический, грамматический и концептный**. Важно подчеркнуть, что между типами субъективации и типами тавтологизации наблюдаются корреляции.

Во **второй главе** рассматриваются механизмы субъективации и тавтологизации и их соотношение на примере поэтических текстов второй половины XX – начала XXI в.

Перечислим авторов второй половины XX в. – начала XXI в., у которых можно найти стихотворения с репрезентирующим типом субъективации: Е. Шварц, В. Кривулин, О. Седакова, О. Юрьев, В. Аристов, А. Афанасьева, П. Барскова, В. Гандельсман, Л. Аронзон, К. Капович, А. Левин, Т. Кибиров, В. Павлова, А. Порвин, М. Степанова, И. Жданов и др. В поэтических текстах с репрезентирующим типом субъективации тавтологизация не выполняет текстопорождающую функцию, а используется в риторическом и стилистическом аспектах выразительности поэтического текста: *«Так висят во тьме человечки, за рядом ряд, / Молчаливый парад, блуждающий вертоград, / Сотня душ, не отличающих ночь от дня. // ...по воде плывёт замороженная вода...»* (М. Галина). Если тавтологизация носит текстообразующий характер, то она, как правило, связана с заимствованием фольклорных принципов развертывания текста: *«Этот город лежит, этот город сидит, / Этот город дрожит, этот город смердит, / Ядовитая нежная жаба»*

(П. Барскова). Наиболее распространенным типом тавтологизации первого типа субъективации можно считать повтор слова или грамматической конструкции, анафорические построения. При этом «изнутри» слово не модифицируется, так как границы слова как целостного компонента высказывания мыслятся как нечто непроницаемое. Тавтология, как правило, имеет лексико-семантическую мотивировку: *«зайцы улица прочая толчея / прыгни девочка / раздели меня на меня / такого квадратного / шарящего руками наоборот / когда мы идем за медом при свете дня»* (Е. Кирсанов). Такой тип тавтологизации мы определяем как **лексический**.

Среди поэтов второй половины XX в. – начала XXI в., у которых встречается референцирующий тип субъекта, можно назвать Е. Хорвата, В. Соснору, Т. Дунченко, В. Бородина, А. Горенко и др. Для поэтических текстов с референцирующим субъектом характерна диффузность первого лица ед. ч. и третьего лица ед. ч.: *«Я отвернусь, как латинское R, / к стенке пустой. Не ищи идеала / в жизни. Ты сам для кого-то пример, / так завернувшись в свое одеяло, / как завернулся. А, впрочем, к чему / здесь обращение? К кому обращаться – / уж не к себе ли? И вправду, ему / нечего кем-то еще обольщаться»* (Е. Хорват). В этом случае предпочтение отдается метонимическим моделям текстопорождения, связанным с активным участием лексико-семантического поля «тело и части тела»: *«кости глоток костей водная голова / вычертит струн гостей вора и на лаваши / лестница упадет улица пережмет / яблоком голубым яблоком голубым / имя зверей звенит воздуха головной / мозг через тридцать лет яблочный нитяной / вышедший из-под рук утреннего луча / вымерший изумруд головы без ключа»* (В. Бородин). Большую роль играет прием нарушения возвратности и залоговых отношений и синтаксическая компрессия: *«Небце синее косое / дурно глянется в меня / поделись-ка ты со мною / полстраною и коня»* (А. Горенко). Механизмы такого типа тавтологизации связаны с этимологизацией и повтором корня как инвариантной основы для формирования лексико-семантической микропарадигматики в тексте. Деривационный потенциал

слова мыслится уже не как статичный, а как процесс, который может быть включен в текст как его часть: «*мы и сами не успеваем за временем общим / пока нас еще **шупают ошупью** говорить ничего / разноцветный коршун летит подбирает то **время** / где выкажет свою мощь*» (Т. Дунченко). Усиливается референциальная неопределенность поэтического текста. Вышеописанный тип тавтологизации мы называем **лексико-грамматическим**.

Модализирующий тип субъективации можно обнаружить в поэтических текстах А. Альчук, А. Монастырского, Л. Рубинштейна, П. Андрукович, Я. Сатуновского, Н. Азаровой, Д. Гатиной, Д. Давыдова, А. Скидана, В. Некрасова и др. Для модализирующего типа субъективации характерно выражение не на уровне слова или предложения, а на уровне контекста: «*одна мать меня рожала / две матери меня рожали / три матери меня рожали / четыре матери меня рожали / пять матерей меня рожали / шесть матерей меня рожали / семь матерей меня рожали / шесть матерей меня рожали / пять матерей меня рожали / четыре матери меня рожали / три матери меня рожали / две матери меня рожали / одна мать меня рожала // сидят лампы играют гаммы*» (Л. Аронзон). Субъект выражается преимущественно не на денотативном, а на коннотативном уровне. Если для двух предыдущих типов наблюдалось тяготение к словному и корневому повтору, то здесь происходит переход к предикативным формам тавтологизации: «*возьми неведомый предмет / вот видишь он а видишь нет / лежит кусается трепещет / так что правит разной вещью // а говоришь предмет предмет / а говоришь привет привет / лежишь кусаешься трепещешь / но все же те все те же вещи*» (Д. Давыдов). Процедура тавтологизации усиливает рефлексивность текста, задавая его возможности схематизации и трансформации тропов: «*Человек похожий на корень / Раскопал корень-человека / Корень в земле увидал человека / Который похож на корень / Корень раскопал человека в земле / Увидал человека земли / Землю увидел в корне / Корень земли увидал*» (Г. Сапгир). Мы называем такой тип тавтологизации **грамматическим**.

К концептуализирующему типу тавтологизации относятся некоторые тексты Г. Айги, А. Драгомощенко, Т. Дунченко, Н. Сафонова, Н. Скандиаки и др. Тексты с концептуализирующим типом субъективации вбирают в себя все типы тавтологизации: с репрезентирующим типом сближение происходит в том, что повторяется, как правило, отдельно взятое слово или синтаксическая конструкция. С референцирующим типом общее возникает на уровне построения сети повторяющихся компонентов и в том, что неповторяющиеся компоненты включаются в формирование семантического поля. С модализирующим типом его объединяет конструктивный и трансформационный потенциал тавтологии, а также тенденция к свертыванию тавтологического высказывания: «[...] я своему сознанию. **зять и тесть и зять**. / откуда им **полмозга** землю взять. / откуда бы подмога и обмереть. //дай **тело** потерзать тень / потерять! [дай **тело** потерять колени / полвремя / протереть.] уже **полмозга** есть продёрнутые в сеть / куда / бы гору остальные деть» (Н. Скандиака). В поэтических текстах с концептуализирующим субъектом большую роль играет пространственная организация семантического плана, которая приводит к тому, что повторяющиеся элементы по организации значения приближаются к значению концептов: «где есмь как золотую пыль – // как обрамленье красное приснившееся книги: / «néant de voix» – // от сердца высоко во сне над ним висящее – // о так сжигают есмь: // и жизнь – как некою его: умершею! – // она – разрозненною красною / как в плаче прерывы / мои теперь со сна! – // и лишь сознание где-то сплавом ангельским / над тенью здесь затерянной – // иное / далеко» (Г. Айги).

Тавтологический уровень образует самостоятельный план текста, на котором возможно тропообразование: «**Имя, что есть (теперь) среди** // Решения перейти мост поперек, другое название для воды // **Имя, что есть теперь (среди)** // **Имя, которое**, – ... дальше начало становится промежуток / Пропущено в хронологии (**имя, которое**) почти все, о чем не зашла бы речь. / Речь об обратном: / «После того, как все было сожжено: люди, **оставшиеся внутри**» / «Перемещению воздуха»; «**оставшиеся внутри**, чере-

дой движений» (Н. Сафонов). Такой тип тавтологизации мы называем **концептным**.

Третья глава нашего исследования посвящена рассмотрению трех принципиально различных поэтик эпохи рефлексивного авангарда – поэтик В. Сосноры, В. Некрасова и Г. Айги, которые выбраны нами как примеры референцирующего, модализирующего и концептуализирующего типов субъективации, соответственно⁵.

Исследование показало, что **референцирующий тип субъективации характерен для поздних текстов В. Сосноры**, где наблюдается синтаксическая компрессия и неразличение первого и третьего лиц: *«И вот мне снится и снится одно и то ж. / Как бегут по смерзшемуся глинозему эн-эн тысяч детей, / русскихпольскихеврейскихцыганскихвенгерских и пр. / «освобожденных от фашизма стран», / в шинелях не по росту снятых с убитых в трофейных башмаках / гигантских, те вылетают с ног, и бегут босиком, / шинели слетают и бегут в одних трусах, / вьются снега, ливни стоят столбом, / бьют пулеметы и мины а мы бежим и бежим»*. Базовый механизм субъективации – это тотальная метонимизация, вследствие которой деформируются отношения часть-целое: *«Дерево пилят на книги. Пусть пилят. / И кто-то в костер, по-ихнему угли, / уж мою голову / подкладывают и подкладывают, /и подкидывают»*. На уровне лексики для поэтики В. Сосноры характерны фигуры псевдоэтимологизации, этимологизации, использование скрытых корневых повторов: *«Пооскорблялись. Поскорбели. / Никто не знал. / Никто не знал: / Он, не доживший до апреля, / Апрельей ваших не желал...»*. Лексические деформации влекут за собой сдвиги на уровне грамматики – и наоборот. Одной из основных тенденций можно считать интериоризацию субъекта: *«Мой дом стоял, как пять столбов, на холме с зеркалами. / Топилась печь, холод хорош, а стекла-ртуть зачем-то запотевали. / Как говорится, грусть моя не светла, направо дверь-дурь белела. / Да в*

---

⁵ Репрезентирующий тип не рассматривается из-за его наименьшего деформационного потенциала для поэтического языка.

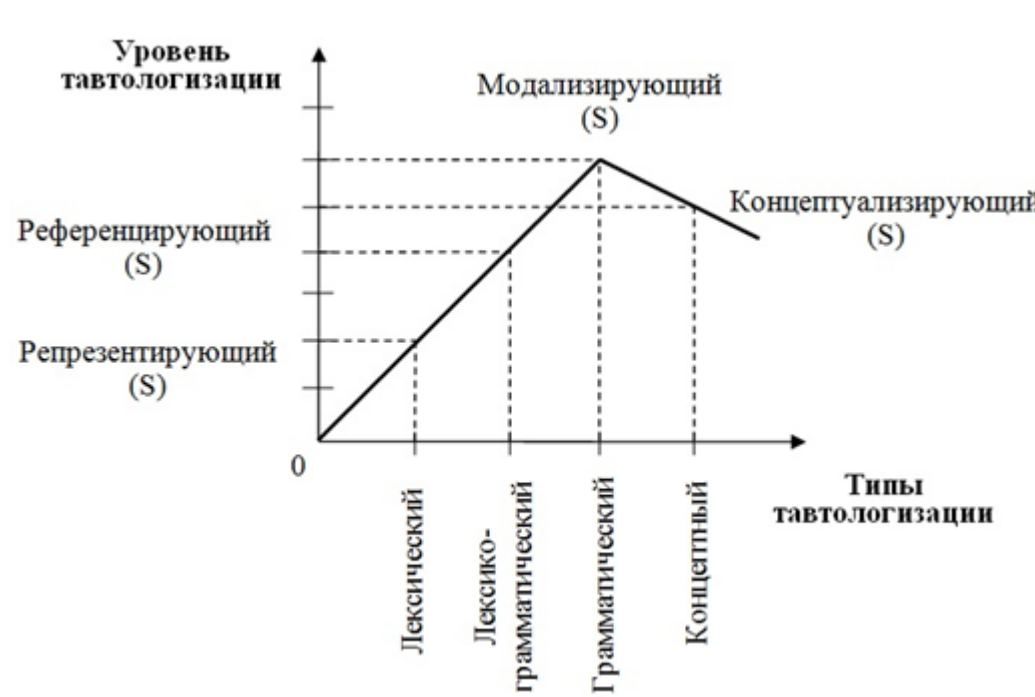
нья! – / и так без забвенья **понятно** / точно как то что «живем-поживаем»!
– и это / лишь ветер за окном: постоянно – / как брошенный дух – слабосиль-
ный / и очень уж даже / **простой**». Для Айги характерны два основных типа
тавтологий: дистантная тавтология (на уровне отдельно взятого слова, слово-
сочетания или даже целого предложения) и контактная тавтология во фра-
зеологически связанных пропозициях. Мы выделяем ключевые комбинатор-
ные правила, действующие в поэзии Г. Айги: 1) повторяющееся слово обыг-
рывается за счет слов из того же семантического поля, что и повтор, или с
помощью однокоренных образований; 2) слова в пределах одного стихотво-
рения часто повторяются в одинаковых грамматических формах и с одними и
теми же предлогами; 3) если в стихотворении встречается дефисный ком-
плекс (типа «Рана-Глагол»), то одно из слов, входящих в него, обязательно
повторяется в стихотворении, но уже вне дефисного комплекса. В текстах та-
кого «полевого» типа повторы являются определяющим компонентом и за-
дают принцип внутренней иерархизации не на уровне сюжета, а на уровне
формирующейся семантики, которая и является смысловым центром стихо-
творения. В тексте выделяются тавтологические микросистемы, обладающие
структурной самостоятельностью.

В **заключении** приводятся основные выводы исследования. Переход от
риторико-стилистического к текстопорождающему типу тавтологизации,
тенденция к блокированию линейного развертывания текста, актуализация
механизмов этимологизации, нарушение залоговых отношений и деформа-
ции категории возвратности можно считать маркерами перехода от репрезен-
тирующего типа субъективации к референцирующему типу (1 → 2); переход
от непредикативной тавтологизации к предикативной тавтологизации, посте-
пенное имплицирование прямого выражения субъекта («я» получает неодно-
значную референцию), ориентация на «вертикальный контекст», смещение
акцента с денотативного типа значения к коннотативному, усиление опера-
циональности, обеспечивают переход от референцирующего типа субъекти-
вации к модализирующему (2 → 3); переход от парадигматических к «поле-

вым» контекстам, движение от языкового к концептуальному значению, наличие самостоятельных микротекстовых структур, возникающих в результате системной тавтологизации, являются показателями перехода от модализирующего к концептуализирующему типу субъективации (3 → 4). Мы выделяем лексический, лексико-грамматический, грамматический и концептный типы тавтологизации, первые два из которых преимущественно непредикативные, третий – преимущественно предикативный, а четвертый совмещает оба типа.

Корреляции типов субъективации и типов тавтологизации могут быть представлены на графике, где видно, что максимум уровня тавтологизации соответствует модализирующему типу субъективации:

Подчеркнем также, что в русской поэзии второй половины XX в. – начала XXI в. отчетливо наблюдается смещение интереса от вопросов взаимоотношений мира и языка к когнитивным аспектам языковой и речевой деятельности. Особенно ярко эта тенденция начинает проявляться с 70-х гг. XX в. после того, как тавтологизация поэтического текста достигает максимума. Так как глубинные пласты когнитивной системы, связанные с процессами порождения речи, структурированы нелинейно (Е.С. Кубрякова, Н.И. Жинкин,

А.А. Леонтьев, А.А. Залевская), то и в поэтических текстах усиливается рефлексивность, которая ведет к парадигматизации текста.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшей разработке механизмов субъективации и тавтологизации, рассмотрении этих механизмов в более широком историческом контексте и выявлении потенциала анализа рефлексивности для понимания тропеической системы в авангардном поэтическом тексте.

Основные положения диссертации отражены в 16 научных и критических публикациях, предисловиях и послесловиях к поэтическим книгам, 3 опубликованы в изданиях ВАК (одна из них – в печати):

1. **Суслова, Е.В. Геннадий Айги: Тавтологические поля с вариациями / Е.В.Суслова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013 / 1(2). – Нижний Новгород, 2013. – С.286-289.**

2. **Суслова, Е.В. Помехи в пейзаже [О книге стихов К. Корчагина] / Е.В.Суслова // Новое литературное обозрение. – 1/2012. – № 113. – С.290-294.**

3. **Суслова, Е.В. Corpus Виктора Сосноры / Е.В.Суслова // Новое литературное обозрение. В печати.**

4. **Суслова, Е.В. Близкий мир Иова [О книге стихов Игоря Жукова «Министерство морских чудачеств»] / Е.В.Суслова // Жуков И. Министерство морских чудачеств. – М.: Новое литературное обозрение, 2013 // . В печати.**

5. **Суслова, Е.В. «Всё как есть наизусть»: О «Двух стихотворениях» Олега Юрьева / Е.В.Суслова // Воздух. – 3-4/12. – С.225-229.**

6. **Суслова, Е.В. «Эхо целовать»: Взгляд и память в книге стихов Евгения Туренко «Предисловие к снегопаду» / Е.В.Суслова // Туренко, Е.В. Предисловие к снегопаду. – М.: Русский Гулливер, 2011. – С.11-13.**

7. **Суслова, Е.В. Александр Введенский и Людвиг Витгенштейн: проблема тождества и лингвистический императив / Е.В.Суслова // Грехневские чтения. Словесный образ и литературное произведение. Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 2010. – С.308-317.**

8. Сулова, Е.В. Интериоризация и детерриториализация субъекта в поэзии и кинематографе («Попытка комнаты» М. Цветаевой и «Страсти Жанны д'Арк» К.Т. Дрейера) / Е.В.Сулова // Бюллетень научных студенческих обществ Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Гуманитарные и социальные науки. № 1. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – С.174-178.
9. Сулова, Е.В. Кадрирование: Сумма присутствий [О книге Александра Уланова «Способы видеть»] / Е.В.Сулова // Homo legens. В печати.
10. Сулова, Е.В. Образы коммуникации в поэзии Виктора Сосноры [Электронный ресурс] / Е.В.Сулова // Электронный журнал РЕЦ. – 2009. – № 58. – С.67-71. – Режим доступа: <http://polutona.ru/rets/rets58.pdf>.
11. Сулова, Е.В. Обратная жизнь памяти, или Бешеной повести свидетель [О книге стихов Дмитрия Строчева «Газета»] / Е.В.Сулова // Homo legens. – 4/2012. – С.136-140.
12. Сулова, Е.В. По дыхательной паутине [О книге стихов Анны Глазовой «Для землеройки»] / Е.В.Сулова // Глазова, А. Для землеройки. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С.129-134.
13. Сулова, Е.В. Проницаемость как принцип поэтического мировидения [О книге стихов Е. Кирсанова «22 несчастья»] [Электронный ресурс] / Е.В.Сулова // TextOnly. – 2/2007. – № 22. – Режим доступа: <http://textonly.ru/-case/?issue=22&article=23097>.
14. Сулова, Е.В. Рефлексивная поэтика Роберта Крили: между языком и мышлением // Транслит. – 2013. – № 13. – С.16-21.
15. Сулова, Е.В. Рецензии / Е.В.Сулова // Современная уральская поэзия 2004-2011. – Челябинск: Издательская группа «Десять тысяч слов», 2011. – С. 298-299, 350-351.
16. Сулова, Е.В. Тавтология как метод дефразеологизации клише в поэзии Всеволода Некрасова / Е.В.Сулова // Транслит. – 2012. – № 12. – С.74-77.